
Александр РЫБИН

В ПОИСКАХ ОСТРОВА ДИЛЬМУН

Повесть

Дед Мороз стоял в спортивном зале школы перед окном. У стены на скамейке его мешок с подарками и волшебный посох, обклеенный блестящей мишурой. За окном густо сыпал снег. Пейзаж от этого размыт, оттенки бледны.

По краям центральной площади поселка глубокие сугробы, через них протоптаны узкие тропинки, в центре ее — живая, украшенная пластмассовыми разноцветными шарами и гирляндами ель. За площадью крашенные в бледно-голубой (очень давно крашенные) панельные пятиэтажки под остроконечными крышами. Выше них пологая, затянутая тайгой сопка. Выше сопки только серое, сыплющее снегом небо.

Дед Мороз был в спортзале один. Длинная седая борода, красная шапка, из-под которой выбивались седые кудри, красная длиннополая шуба, обитая по краям белым мехом, на ногах серые валенки на литой резиновой подошве. Руки он заложил за спину. Тихонечко свистел сквозняк в верхней части окна, под потолком. Через середину зала натянута волейбольная сетка.

В открытую дверь вбежал школьник, шестиклассник, обряженный в костюм обезьяны — позади вяло болтался коричневый хвост, — и, запыхавшись, протараторил: «Александр Сергеевич, пора, вам выходить». Дед Мороз быстро развернулся, взял посох и мешок (литая подошва по деревянному полу) зашагал вслед за шестиклассником.

В актовом зале вокруг искусственной елки водили хоровод перво- и второклассники. У мальчиков костюмы пиратов и разбойников, у девочек — принцесс и золушек. Вдоль стен на стульях сидели родители. С микрофоном Снегурочка-старшеклассница в голубом блестящем наряде до колен, черных ажурных колготках и красных туфлях на высоком каблуке. «Ребята, а вот и Дедушка Мороз! — сказала она. — Давайте попросим его зажечь нашу елочку». На каждый шаг Дед Мороз отстукивал посохом по полу. «Здравствуйте, детишки, девчонки и мальчишки! С Новым годом, с Новым годом поздравляю всех детей. Поздравляю всех детей, поздравляю всех гостей», — он обходил елку вокруг. «Дедушка, посмотри, — обращалась к нему Снегурочка нарочито обиженным тоном, — праздник у нас не получается. Огоньки на елочке не горят. Ты же волшебник, наколдуй так, чтобы ярко засветилась она,

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фрилансжурналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.

чтобы радовать детишек». — «А хорошо ли они учились в завершающемся году?» — Дед Мороз строгим тоном, внимательно смотрел на детей. «Очень хорошо. Хочешь, проверь их». — «Сейчас проверю. Есть у меня для вас испытания. Да не простые, а задорные-смешные. Готовы вы к испытаниям?» — «Да-а-а», — вразнобой отвечали дети. Родители фотографировали происходящее на мобильные телефоны — мигали вспышки. Один из второклассников отбежал к маме — та поправила ему костюм пирата, одергивала сбившуюся в складки безрукавку и съехавшую назад саблю. «Сейчас проверим, хорошо ли вы умеете считать», — продолжал Дед Мороз.

Александр Сергеевич сидел в кабинете директора школы. На ногах все те же валенки. Шуба Деда Мороза расстегнута. В руках седой парик и борода. Директор — женщина около пятидесяти лет, в бледно-синем платье. Александр Сергеевич смотрел на свои валенки. «Вы подумайте все-таки, — обращалась к нему директор, осторожно улыбалась, руки, сцепленные в замок, на столе, под ними различные бумаги с отпечатанными текстами. — Дети к вам очень привыкли. Ваше увольнение сейчас у всех вызовет затруднения. Подумайте, может получится дотянуть до конца учебного года». На стенах кабинета дешевые репродукции морских и горных летних пейзажей. Единственный шкаф со стеклянными дверцами, на его полках подарочные сервизы. Александр Сергеевич — ему чуть за тридцать, впалые щеки, чисто выбрит, волосы средней длины зачесаны на пробор, через весь лоб три глубокие горизонтальные морщины — перевел взгляд на один из сервизов. Читал дарственную надпись: «Средней школе поселка Янталь за активное участие в культурной жизни Усть-Кутского района». Вздохнул и посмотрел на директора: «Вы поймите, Елена Михайловна, если бы получалось дотянуть до конца учебного года, я бы даже разговоров про увольнение не заводил. Не получается. Сейчас надо. Таковы обстоятельства». Елена Михайловна опустила глаза к бумагам: «Как знаете. Но я прошу все-таки подумать».

Вечером Александр Сергеевич гулял с сыном Арсением. Они шли по утопанной дорожке к деревянной лестнице.

Поселок целиком умещался на склоне одной сопки — панельные и кирпичные пяти- и трехэтажки, кирпичные здания школы и детского сада, парикмахерская, дом культуры и администрация стояли короткими рядами друг над другом. Деревянные лестницы вели от одного ряда к другому — от одной улицы к другой. Александр Сергеевич спускался с сыном по лестнице к детскому саду — за ним, ниже, главная горка поселка: школьники и детсадовские дети с родителями, визги, крики, санки, ледянки, надувные круги-«плюшки» и самокаты. Снег, начавшись рано утром, продолжал идти.

Внизу склона, «под поселком», автомобильная и железная дороги, за ними изгибающаяся полоса замерзшей реки Куты, а за ней чернели сопки. Автомобили изредка проезжали по неосвещенной дороге, отмеченные желтоватыми или красными огнями фар.

Чуть в стороне от поселка — в ложбине между двумя сопками — леспромхоз, обильно освещенный прожекторами. Котельная с круглой, непрестанно дымящей трубой (самая высокая постройка поселка), штабеля спиленного леса, вагоны, бульдозеры, подъемные краны, трелёвочные тракторы — металлический и деревянный круглосуточный стук.

Построенный в советские годы рабочий поселок, захиревший в девяностые годы, обезлюдевший больше чем наполовину из-за экономических и инфраструктурных

проблем, Янталь стоял среди густой восточносибирской тайги. До ближайшего города сорок пять километров на восток. На север и юг сотни километров тайги, прореженные работой леспромхоза. Ради этой глухомани и заброшенности Александр Сергеевич приехал сюда с сыном и женой полгода назад, устроился учителем английского в школу.

«Правда, что вы собираетесь уезжать, Александр Сергеевич?» — подошел к нему семиклассник. «Много будешь знать, скоро состаришься. Ты же не хочешь быть старым и противным, Стас?» — ответил учитель. «Ну, скажите». — «Я тебе уже сказал». Арсения уселся на ледянку и требовательно закричал: «Папа, подтолкни меня!» Дети скатывались с горки вперемешку. Врезались друг в друга, но не конфликтовали. Старшие помогали младшим подняться по скользкому склону.

Стас стоял вместе с еще несколькими семиклассниками — исключительно мальчишки — в стороне от поселка, в стороне от фонарей. Подростки курили одну сигарету на всех. Передавали друг другу красный огонек. Разговаривали вполголоса. «Машка — дура. Я говорю ей: дай списать, от тебя не убудет, — а она: сам думай. А че думать? Дура ты, и всех делов». — «Лизка такая же... Э-э-э, ты все не скуривай, слышь, оставь еще по затяжке». — «На держи. А по мне, что Лизка, что Машка, что все остальные бабы — тупые».

Поселок светился редкими фонарями и горящими окнами. Во многих окнах мигали гирлянды ядовитых оттенков синего, зеленого и красного. На главной площади разгорались и гасли гирлянды на ели.

«Сергеич и вправду уезжает, — заговорил Стас. — Я его сегодня на горке спросил. Он не ответил, но понятно, что уедет». — «Че ему, он же не учитель вообще-то, — подхватил один из подростков, один из темных силуэтов. — Он — журналист. Он зарабатывать может гораздо больше, чем в нашей школе». Окурочок отлетел в сторону, в сугроб. «Пошли», — темные силуэты двинулись в сторону домов.

Вернувшись домой, Стас играл в своей комнате на компьютере в танки. Зеленый советский Т-34 полз через плохо прорисованную черно-коричневую деревню — ломал заборы, давил кур, сносил столбы электропередач. В нижней части экрана появлялись сообщения других игроков. Игроки много ругались. Стас, направляя танк, кратко отвлекался, стучал по клавиатуре и резким ударом по клавише «Ввод» отправлял сообщение. Вспышка пламени сбоку от танка. «Тридцатьчетверка» задним ходом стала уходить за ближайшую постройку. Другой разрыв — впереди. «О, вовремя ушел», — пробормотал Стас. Настроил сообщение. Продолжил маневрировать. «Стася, ложись спать», — голос мамы из другой комнаты. «Мам, еще полчаса, и буду спать».

Мама сидела в гостиной и красила ногти. Обрюзгшая неухоженная женщина около сорока лет, волосы взъерошены, расплылась в мягком кресле. Махровый халат, мягкие тапки малиновой расцветки с белыми помпонами. На столике перед ней набор лаков и чашка с кофе. Женщина дула на только что покрашенный ноготь. «Леша, — крикнула она, — давай доедай скорее и приходи подуть мне на ногти».

Леша — вытянутая грязно-белая майка, тренировочные однотонно-черные штаны с оттопыренными коленками, такие же, как у жены, малиновые тапки с помпонами — сидел на кухне и ел картошку с салом. Смотрел телевизор, стоящий на холодильнике. «Сейчас», — ответил жене. «Задолбает со своими ногтями-шмагтями», — пробурчал гораздо тише.

Поздно ночью снег прекратился. Небо над поселком прояснилось. В чернильной тьме матово перемигивались крошки звезд. Стало значительно морознее. Гулким эхом откатывались в тайгу шумы леспромхоза. По пустым холодным распадкам и ущельям повторялись металлические и деревянные перестуки. Порыв ветра качнул высокую ель. С ее верхней ветки скользнула снежная шапка. Падая, сбивала снег на других ветвях. Глухие шлепки в сугроб: уп-уп-уп. Услышав их, замер заяц, настороженно двигал ушами, вертел головой. Опасности нет. Запрыгал дальше. Выскочил на берег замерзшей реки. На другом берегу по склону огни поселка. Заяц замер на несколько мгновений, дернул головой и скрылся в густых плетениях тайги.

Александр Сергеевич не спал. Сидел в кресле перед ноутбуком. Свет в комнате выключен. Смотрел англоязычный сюжет. Некая африканская армия двигалась на бронетранспортерах и пикапах через разоренную деревню. Обгоревшие хижины, каменные постройки разгромлены, трупы и сожженные автомобили на обочинах. Белый журналист, ехавший среди чернокожих солдат, рассказывал, что это последствия захвата деревни повстанцами. Следующая сцена: гаубицы долбят в небо, офицер-негр комментирует, что артиллерия работает по позициям повстанцев на расстоянии шести километров. Рыкая и взбивая рыжую пыль, двигаются через саванну танки Т-72. Чернокожие солдаты что-то кричат и размахивают автоматами, пританцовывают. Очередная деревня — снова уничтоженные жилища, трупы и сгоревшие автомобили. «Наступление правительственных сил продолжается», — подвел итог журналист.

Утро. Еще темно. На небе звезды. Безветренно, поэтому дым с котельной застрял длинным и широким волнистым пластом между двух сопок, зацепился за их вершины. Снизу дымное облако ярко подсвечено огнями поселка и леспромхоза. По дороге под поселком проезжала колонна из пяти фур: широкие полосы дальнего света фар и тарахтение моторов. Продолжала мигать гирлянда на ели на центральной площади. Мигали гирлянды в некоторых окнах. Все больше окон загоралось в домах. Во дворах заводились автомобили.

Александр Сергеевич недавно проснулся — умылся в ванной, тугой струей била из крана вода. Вошла жена Эмма, недовольное от пробуждения лицо: «Ты Сеню отведешь в садик?» — «Отведи ты. Мне в школу надо по делам», — он отвечал, не поворачиваясь к ней, шевелил пальцами под струей воды. «А мне в Усть-Кут собираться. Отведи ты». — Эмма, словно защищаясь, сложила руки на груди. «Ладно, не порти настроение с утра. Покорми его тогда и одень». Она вышла. Он выключил воду.

Арсения с папой спускались по деревянной лестнице от своего дома к детскому саду. Ступеньки чищены плохо — в плотно спрессовавшихся налипках снега. Надутый, как медвежонок, от плотной теплой одежды ребенок шагал медленно и осторожно, держась одной ручкой за перила. В другой ручке маленькая машинка — красная модель «Жигули». Александр Сергеевич шел впереди. «Папа, только жди меня». — «Спустишь и буду ждать». Хлопали двери подъездов, выходили другие родители с детьми, направлялись к детскому саду.

«Папа, дай мне ручку». Под ногами скрипел снег. «Интересно, кто сегодня придет в детский сад?» — спрашивал Арсения, рдели замерзшие щеки в бледном свете фонаря. «Не знаю, тебе лучше знать». — «Почему ты не знаешь?» — «Потому что это ты ходишь в детский сад. Там твои друзья, а не мои». — «Хочешь, пойдём со мной. Мы будем вместе рисовать и катать машинки». — «Спасибо, малыш. Но мне надо на работу». — «Тогда я маму позову в детский сад ко мне». — «Хорошо». В детском саду зажглась пока еще малая часть окон.

Кабинет английского. Заиндевшие окна — толстый слой наледи подтаивал, струйки воды собирались в лужицы на широком бетонном, покрашенном белой краской подоконнике. Коричневая доска в мутных белесых разводах. На боковых стенах несколько плакатов с неправильными глаголами, таблицами времен и английским алфавитом. Александр Сергеевич за своим столом. Низко склонил голову. Перед ним несколько классных журналов. Один из них раскрыт. Учитель переписывал в него оценки и темы уроков из своей записной книжки. Тихо. Слышно, как пищит ручка по тонкой бумаге журнала. Короткий стук, и дверь в кабинет открылась. «Александр Сергеевич, можно?» — за ней несколько старшеклассников. Учитель обернулся и улыбнулся: «Да, ребята, конечно, заходите».

Десятиклассники: две девушки, в них уже всю цвела женственность, и трое юношей, неказистые, еще формирующиеся черты и движения. «Александр Сергеевич, вы уже не передумаете? Вы все-таки уезжаете?» — спросила девушка с большими, будто удивленными и испуганными одновременно, глазами, самая высокая из вошедших, это она играла роль Снегурочки на новогоднем представлении для перво- и второклашек. «Уезжаю. Не передумая, Вика. Таковы обстоятельства», — учитель не смотрел в глаза учеников, смотрел в пространство выше их голов. «Жаль, — снова говорила Вика. — С кем же мы теперь будем изучать историю Месопотамии и искать остров Дильмун?» — «Ну, ни история Месопотамии, ни остров Дильмун из-за моего отъезда не исчезнут. Если вам действительно это интересно...» — «Интересно, интересно, вы же знаете», — вразнобой торопились сказать ученики. «Я знаю, да, интересно. Вы можете сами изучать. Своими силами продолжайте. Вы достаточно взрослые и разумные — сможете, — он посмотрел наконец в глаза ребят. — Интернет есть. Если я буду находить какие-то интересные материалы, то обязательно буду отправлять вам, а вы мне будете сообщать свои мнения. Хорошо?» — «Но нам не с кем больше будет мечтать, что мы когда-нибудь организуем экспедицию и найдем Дильмун», — сказала Вика, в ее больших глазах вязкая и, казалось, неизбывная тоска. Учитель снова улыбнулся — ясно, что через силу, вынужденно.

Солнце уже закатилось за сопку на противоположной стороне Куты. Над гребнем сопки изумрудная закатная полоса — на ее фоне острыми черными силуэтами отчетливо выделялись ели на гребне. Вика скучающе смотрела в сторону заката, ждала подругу возле подъезда пятиэтажки. На крыше над входом в подъезд из сугроба торчали тонкие черные ветки кустарника. Края крыши — железобетон — разрушившиеся, будто подгрызенные невидимым чудовищем с очень сильными челюстями. Перед подъездом утоптаный и укатанный снег. Из открытого окна подвала валили клубы пара, ползли вдоль стены дома, остывая и оставляя полосы инея.

Заскрипела открываемая металлическая дверь — вышла подруга. «Долго ты», — Вика ей безразличным тоном. «Да там...» — подруга не закончила и просто махнула рукой.

Девушки шли по почти безлюдному поселку (навстречу изредка попадались школьники-младшеклассники и старички). Панельные многоэтажки, черные деревянные сараи, сбитые из досок мусорные баки, лестницы с одной улицы на другую, меркнущий свет заканчивающегося дня. Ни птиц, ни собак. Скрип снега под ногами и вечные перестуки леспромхоза. Они вышли к бывшей столовой, теперь — заброшенное здание с разбитыми окнами, местами провалившаяся крыша и окружение из глубоких сугробов. Девушки шли молча, глядя то перед собой, то под ноги.

Издали донесся протяжный гудок поезда. Девушки, не сговариваясь, остановились и стали смотреть на поворот железной дороги. Из-за сопки к западу от Янтая

вытягивалась змея пассажирского поезда: за красно-синим тепловозом серо-красные вагоны (меркнувший свет добавлял густоты цветам).

Максим глядел в окно плацкартного вагона. Какой-то поселок из многоэтажек и высокая, густо дымящая труба перед ним. Максим разглядел двух девушек, стоявших перед заброшенным одноэтажным зданием вблизи железной дороги: на них красные пуховики, теплые горнолыжные штаны (у одной желтые, у другой черные), унты из оленьего меха и теплые вязаные шапки (у одной с помпоном, у другой — без).

Весь поселок промелькнул за полминуты, не дольше. За окном снова потянулась тайга. Ели, сосны, облетевшие, по-сказочному корявые лиственницы, непролазные кустарники. Черно-зеленые, черные и белые оттенки, плавные спуски и подъемы сопки. В стороны от поезда разлеталась снежная пыль. Максим взял со столика стакан, отсыпал туда черной, мелко нарубленной заварки из пачки и пошел за кипятком.

На станции Лена из вагона выходило большинство пассажиров. Вагон пустел от людей, их зимних нарядов и сумок; оставались затянутые коричневым дерматином полки-койки и мелкий мусор на столиках. «Сколько тут стоим?» — спросил Максим проводницу. «Тридцать две минуты». — «Далеко тут до магазинов?» — «Все рядом, за здание вокзала зайдете, там магазины и рынок, если не свернулись. Вроде рано еще сворачиваться, — проводница посмотрела на наручные часы. — Должны пока торговать».

Вокзал — светло-зеленое с белым зданием в неуместных каменных кружевах и с еще более неуместным шпилем; крупная лепная надпись — «Лена», над ней дата — 1951. За ним бульварно широкая улица, через сотню метров упиравшаяся в высокое белое здание с надписью «Осетрово» под самым карнизом. Вдоль улицы в свете фонарей торговые ряды. Редкие из них действовали — на прилавках лежал товар, продавцы переминались с ноги на ногу от холода. Максим подошел к первому продавцу. «Извините, где тут готовую еду можно купить, котлеты или чего такого?» — «А вон на речном вокзале должна быть столовая». — «Это где?» — «Видишь, здание, похожее на амбар, и надпись „Осетрово“? Вот в нем. Как зайдешь, сразу направо». — «Спасибо».

Максим бежал к речному вокзалу, ежась, — пуховик он накинул прямо на футболку, а на ногах легкие кроссовки. Подергал дверь главного входа — закрыто. Оббежал здание вокруг. С другой стороны мигала гирляндой искусственная ель, с деревянной сборной горки катались дети. Позади ели и горки ограждение из толстых якорных цепей, подвешенных между каменными тумбами, за ними крутой обрыв и некая замерзшая, не слишком широкая река. Через реку были протоптаны тропинки, вдоль них, отмечая их, в снег воткнуты сосновые или еловые ветки. На другой стороне горели огни в немногочисленных избах.

Когда Максим вернулся на свое место, на койке напротив сидела пожилая женщина. «Здравствуйте. Я — Максим». — «Здравствуйте, а я — Евгения Ефимовна. Куда едете?» — «До конца, в Северобайкальск». — «И я туда же». Максим стянул куртку и повесил ее на крючок. Вместо кроссовок надел шлепанцы. Пожилая женщина сидела в расстегнутом пальто, на голове мохнатая шапка, на ногах унты, возле нее на койке клетчатая, плотно набитая хозяйственная сумка. Когда поезд тронулся, она сняла и пальто, и шапку — сложила их на пустую верхнюю койку-полку, —

достала из сумки тапочки и передела унты. Сумку затолкала под свою койку. Максим с абсолютным безразличием наблюдал ее действия, а когда она снова села, спросил: «Вы местная?» — «Да, здешняя». — «Что там за река за зданием „Осетрово“?» — «За речным вокзалом? Это Лена, да, Лена». — «Ясно. Скоро будем ее переезжать». — «А вы в наших краях первый раз?» — «Да. Еду на вахту — сейсмологом на станцию возле Северобайкальска». — «Эко вас под самый Новый год отправили». — «Правила у нас такие, ничего не поделаешь».

Минут через двадцать поезд загрохотал по железным фермам моста над замерзшей, заснеженной Леной. Река выделялась в темноте бледно-белой полосой. По обоим берегам таежная монолитная тьма. Маленький, спичечно-муравьиный поезд пересек мост и терялся в гигантской, молчаливой и каменно-неподвижной тайге.

В Северобайкальск поезд прибывал днем. Безоблачно, очень яркий от лежащего вокруг снега и широких открытых пространств свет. Здание вокзала похоже на космический корабль или космическую станцию. Стены его большей частью прозрачные, из стеклопакетов: свет насквозь проходил через зал ожидания (второй этаж), кассовый и торговый залы (первый этаж). Формы, линии и их сочетания проектировщики, без сомнения, позаимствовали из чертежей аппаратов, предназначенных для межпланетных сообщений. При разнообразии форм и линий в них не было ни одной лишней, каждая составляла часть общей геометрической гармонии, необходимую часть. Пока Максим стоял в очереди выходящих из вагона, он в подробностях рассмотрел вокзал — через окна и из тамбура. На улице морозный бодрящий воздух. Откуда-то сбоку появился улыбающийся загорелый, с обветренным морщинистым лицом человек среднего возраста. «Здравствуйте, вы Максим?» — спросил он. «Точно». — «А я — Анатолий, замначальника сейсмостанции, — пожал Максиму руку. — У нас машина сломалась. Поехала в ремонт. Придется подождать». — «Хорошо». — «Можем на вокзале посидеть, можем прогуляться». — «Лучше прогуляться, я тут в первый раз».

Свой туристический рюкзак Максим сдал в камеру хранения, и они вышли на проспект. «Это у нас центральный проспект. Называется Ленинградский, — рассказывал Анатолий. — Его застраивали ленинградские архитекторы». Проспект был достаточно широкий, четыре полосы движения, с аллеей посередине. Широкие тротуары. Жилые дома максимум в пять этажей. Они имели необычную, будто утекающую или змеящуюся планировку. «Дома видишь какие? — продолжал Анатолий. — Тут же сейсмически очень нестабильная зона. До двух сотен толчков разной силы каждый день фиксируем. Ленинградцы делали дома блоками. Один блок из пяти этажей, к нему под определенным углом и на расстоянии в полметра следующий блок пристраивали, а швы закрывали алюминиевыми листами». Действительно между отдельными блоками блестели полосы металла. «И балкона ни одного нет. Заметил? Город без балконов. Тоже из-за сейсмоактивности. Подземный толчок, и балкон может не выдержать: треснул, посыпался. Поэтому от них вообще отказались». Максим смотрел на дома с одной стороны проспекта, с другой — ни одного балкона, никаких дополнительных выпуклых деталей. «В целом городок маленький, приятный, туристический — туристы обычно летом приезжают. Всего, по-моему, около сорока зданий в городе. Каменных. Чисто, народ интеллигентный. Думаю, тебе понравится. А мы в трех километрах, на вершине сопки сидим. Работы хватает — вокруг Байкала за сутки до тысячи толчков фиксируем». Максим согласно покивал и спросил: «А Байкал-то где? Мы этим путем к нему придем?» — «Байкал? Байкал — в другую сторону. Пойдем, если хочешь».

Озеро появилось из-за рощи лиственниц как-то буднично и просто: деревья остались позади, дальше крутой обрыв и белое, заснеженное, замерзшее озеро, далеко, в нескольких десятках километров заснеженные вершины сопки на противоположном берегу. Величайшее пресноводное озеро на Земле — к нему не вели ни грандиозные ворота, не было разноцветных, в кричащих оттенках вывесок, не было толп ошарашенно замерших людей. Тем не менее озеро было великолепно своей просторной молчащей красотой. У берега вздыбленные, ошетилившиеся торосы. Далее начались ровные поля льда. И километров через пять виднелась черная полоса — открытая, пока «не вставшая» вода. Ослепительное бельмо солнца, окруженное нимбом гало, над озером. Максим и Анатолий шурились от яркого света.

Ночь. Вся пять сейсмологов вышли на веранду станции. Вершина сопки. В долине под ними Северобайкальск — его гроздя разноцветных огней: неподвижных, мигающих и плывущих. За городом абсолютная тьма Байкала. «Две минуты осталось!» — крикнул Анатолий, он чуть заметно покачивался от выпитого алкоголя. «Тогда давайте проводим старый», — предложил начальник станции, поднял руку с граненым стаканом вина, налитого до половины. Все чокнулись, звон стекла. Кто-то крикнул «ура». Порывистый ветер толкал уже подвыпивших людей. За станцией от ветра шевелилась тайга. Над городом взорвалась ракета салюта — разбрасывала в стороны мгновенные полосы красного, зеленого и синего света. Второй салют. Третий. В другом месте над городом начал взрываться такой же салют. Очередной салют разбрасывал белые мигающие точки света — будто вспыхивала сфера или громадный елочный шар. Новые и новые салюты. Над городом почти на одинаковой высоте появлялись на мгновение и гасли разноцветные шары, гроздя, снопы и просто одинокие огненные точки. С опозданием доходил звук — похожие на ружейные или пистолетные выстрелы хлопки. «Пора! С Новым годом, коллеги! Ура!» — закричал начальник. «Ура-а-а!» — закричали остальные и чокались оставшимся вином. Кто-то заспешил на станцию — за бутылкой. Анатолий подошел к Максиму и толкнул его плечом: «Вот какой должна быть жизнь, понимаешь?» — над городом, перекрывая друг друга, сыпались в ночное небо огни салютов. «Какой?» — не понял захмелевший Максим. «Как яркая вспышка, ослепительная, чтобы другие надолго запомнили, а потом тьма снова». — «В смысле смерть?» — «Ну да, смерть, тьма, небытие». — «После смерти другая жизнь — загробная. Или ты в Бога не веришь?» — ни Максим, ни Анатолий не смотрели друг на друга; разговаривая, они не прекращали смотреть на салюты над городом, на их лицах слабо бликовали далекие вспышки. «Какой Бог? Именем которого оправдывают убийства слабых и невинных, грабеж и унижение беззащитных детей, для которого строят дворцы, когда миллионы бездомных умирают или мучаются от холода, дождей и грязи?.. Короче, если Бог позволяет, чтобы его использовали, как проститутку, то он нам не нужен», — и Анатолий повернулся к Максиму, тот продолжал смотреть на город. «Понял?» — злобно и напористо спросил Анатолий. «Понял».

Тьма меркла. Ее сменял серый свет, смутно обрисовывавший невидимые до того предметы. Вздыбившиеся, ошетилившиеся торосы вдоль байкальского берега нисколько не изменились от наступившего у людей нового года. Над грядой сопки на противоположном берегу проступила и стала наливаться красновато-желтым цветом рассветная полоса. Серый свет медленно отступал вслед за ушедшей ночью. Пушистый белый снег лежал на льду озера. Иногда глухо и протяжно звучали подледные гулы — будто стоны циклопических невидимых животных, или их шепот,

или... Небо все больше наливалось голубым цветом. Из-за сопки показалась багровая макушка солнца. Оно быстро поднималось. Чем выше, тем больше менялся его цвет: переходил сначала в желтый, позже в белый. Первый день нового года начался.

Прибрежный город выглядел молчаливым и пустым — ни машин, ни людей. Только мигали гирлянды. Ближе к полудню стали появляться первые люди, автомобили и автобусы. Задымились трубы вагонов пассажирского состава, стоявшего несколько в стороне от железнодорожного вокзала — на запасном пути. Проводники топили углем — черный дым пачкал морозный воздух. Задвигались маневровые тепловозы — таскали с линии на линию грузовые вагоны, пустые и груженные. Подходили путейцы в оранжевых жилетках поверх телогреек, в валенках и мохнатых шапках с опущенными ушами — прицепляли или отцепляли вагоны, подставляли «башмаки» на рельсы. Из динамиков, развешанных на столбах вдоль путей, хриплый женский голос сообщал, какому составу на какой путь следовать.

Солнце сползало к закату, тени уродливо вытягивались, когда зеленый округлый локомотив подтянул пассажирский состав к вокзалу. В него грузились немногочисленные пассажиры. В вагоны залезали вахтовики в поношенной одежде и со спортивными сумками, туго набитыми. Молодые пары, как правило, выряженные в яркие горнолыжные костюмы, — они тянули за собой чемоданчики на колесах. Семьи с детьми целовались и обнимались с родственниками. Проводники проверяли билеты и паспорта. Равнодушно смотрели на провожающих.

Гудок локомотива, провожающие махали руками, состав лязгнул сцепкой вагонов — тронулся. Удалялось белое озеро, удалялся аккуратный и компактный город, поезд втягивался в узкое ущелье между высокими обрывистыми сопками.

Поздно ночью прибыл на станцию Янталь. Остановка на две минуты. Александр Сергеевич закинул в тамбур мешок, за ним чемодан на колесиках, за ним туристический рюкзак. Затем поднялся за ручку с Арсенией. После них зашла Эмма. «Проходите скорее, я замерзла и хочу быстрее согреться», — раздраженно проговорила она. Проводница помахала из тамбура машинисту фонариком. Гудок локомотива, поезд снова тронулся.

Поезд шел через равнину, нарушаемую клочками леса. Снежно и солнечно. Александр Сергеевич читал свою, взрослую, книжку Арсене — они оба лежали на нижней полке. Эмма сидела за столиком на заправленной полке и намазывала себе бутерброд. На столике многочисленные пакеты с едой. Два стакана в фирменных железнодорожных подстаканниках. В одном горячий очень темный чай, второй — пустой. Эмма домазала бутерброд желтым сливочным маслом и равнодушно посмотрела в окно: «Тут, конечно, природа мелковата по сравнению с Янталем. Куца. А там — мощная, грандиозная», — сказала она без особых чувств, будто это являлось ее вынужденным обязательством. Александр Сергеевич не отреагировал, Арсения тоже. «Сань, ты слышишь?» — спросила она. «Слышу, слышу, не мешай». — «Я тебе не мешаю, я с тобой делюсь своими соображениями». — «Хорошо, — и он продолжил читать: — Сцена — на черных пластмассовых подставках два полотна. Одно — три метра на три. Другое — полтора метра на три. Первое, — я немного в живописи разбираюсь, — явная копия картины Климента Редько „Восстание“ 1925 года. Редько участвовал в революционных событиях в Петрограде в 1917-м, был искренне очарован личностью Ленина. Когда Ленин умер, в тот же день, узнав о смерти Ленина, он начал писать „Восстание“. Ему не давало приказов партийное руководство, ему не обещали денег, квартиры, государственных наград

за работу. — За окном плацкарта продолжала скользить заснеженная равнина, нарушаемая клочьями черных деревьев, над ними голубое пустое небо и холодное солнце. Жена продолжала жевать. Арсения внимательно слушал, застыл от внимания, задумчивы зелено-карие глазенки. — Редько взялся за картину на эмоциональном порыве, душевные переживания дали ему идеи. Поэтому „Восстание“ — одна из лучших русских картин». Саня замолк, задумался. «Папа, читай, читай. Папа, дальше», — торопливо просил его сын, замахал в воздухе ножками, обряженными в синие колготки. «А хочешь порисовать?» — повернулся к нему Саня и пощекотал его указательным пальцем под мышкой. Арсения засмеялся, извивался, чтобы отодвинуться от отцовского пальца. «Не балуйте, а то Арсений свалится», — говорила Эмма недовольным тоном, у нее постное выражение лица, в руке надкушенный несколько раз бутерброд, в другой — стакан с чаем. Саня посмотрел на нее неприязненно — сощурились его глаза, в уголках собрались морщинки, — но промолчал.

Спальный район. Типичный спальный район большого города. девяти-, десяти-, тринадцатизэтажки. Во дворах столпотворение тесно припаркованных автомобилей. Крошечные детские площадки, уместающие по одной горке, «домику» и карусели. Метель — в воздухе металась снежная крупа, прохожие торопились, закрывая лица руками, поднимая выше шарфы. Сумрачный свет.

Саня на кухне — какой-то из «последних» этажей. Жарил картошку, шипела на плите сковорода. Кухня узкая — почти все пространство занимали стол (под него задвинуты два табурета), плита, холодильник, раковина и шкаф с посудой. В раковине беспорядочно свалена грязная посуда. Открыта форточка — в нее заносило снежную крупу. Крупа мгновенно таяла, оставалась капельками на подоконнике и полу, застеленном линолеумом.

Зашла Эмма. Первым делом захлопнула форточку: «Пораскрыл тут. И без того холодина. Хочешь попрохладнее, иди на улицу». Саня промолчал, размешивал картошку на сковороде. Жена открыла холодильник. Две верхние полки в двери занимали различные лекарства. Внутри кастрюли, тарелки с недоеденной гречневой кашей, салатом, подвявшего вида овощи, жестяные банки с консервами. Эмма достала пачку молока. Налила себе стакан и ушла. Саня резким движением открыл форточку. Мельком посмотрел за окно. Внизу проезжала тентованная грузовая «газель».

Михаил крутил руль, маневрируя между стоявшими заметенными машинами и ругая не очищенную от снега дорогу. Его «газель» дергалась, выбрасывала из-под колес комья спрессованного грязного снега. Навстречу в узкий проезд въезжала легковая серебристого цвета. «Ну, куда ты?» — вслух спросил Михаил. Легковая стала сдавать назад. «Газель» замерла. Перед ней торопливо пробегала пожилая женщина с полиэтиленовыми, набитыми чем-то пакетами в обеих руках. «Вот еще курица бежит. Дома ей не сидится в такую погоду. Старая, пора дома сидеть, о вечном думать, а не по улицам бегать. Тем более в метель», — рассуждал Михаил.

«Понаставили своих машин, не пройдешь», — бурчала Гульнара Мансуровна, протискиваясь между припаркованными машинами. Тяжелые пакеты в руках не давали закрывать лицо от метели — колючий снег в глаза. Ветер дергал края ее пальто. Дошла до подъезда, поставила пакеты, прислонила их к стене. Под пальто — некрасиво задрала его — в кармане кофты ключи. Приставила электронный ключ к замку — затренькала примитивная неприятная мелодия. Гульнара Мансуровна с трудом открывала туго поддающуюся металлическую дверь. Подперла ее ногой и подхватила пакеты. Дверь с лязгом захлопнулась за пожилой женщиной.

Открыла дверь в квартиру и сразу позвала: «Нюси, Нюси» — приторный, сюсюкающий тон. В прихожую вбежала собачка — такса, вокруг шеи подвязан розовый бант. «Нюсечка моя, лапочка. Как ты без меня, девочка моя? Не хулиганила?» — продолжала сюсюкать Гульнара Мансуровна, раздеваясь. Чтобы снять сапоги, присела на облезлый табурет. В прихожей пожелтевшие обои. На вешалке плащи, пальто, куртки, шуба, ватники. Под ними сваленные друг на друга пары различной обуви — от галош до дырявых валенок. Гостиная — аккуратно убрано, но тесно от шкафов, стола, стульев, телевизора, тумбочек, книжных полок (книги все старые, советских времен) и кресел. «Нюсечка, идем на кухню, я тебе вкусенького принесла, идем, моя девочка» — такса следовала за старушкой, резво махая хвостом. В кухне тоже прибрано, но тесно от мебели, плиты, холодильника (на нем стоял маленький телевизор), стола, табуретов, раковины и посудомоечной машины. На почетном месте — между холодильником (сбоку от него) и столом пластмассовая кормушка для собаки: три отделения — в одной вода, в другой насыпан сухой корм, третья чистая. Гульнара Мансуровна отрезала «Докторской» колбасы — полный круглый кусок — и положила в третье отделение.

Металлическая дверь подъезда. Затренькала примитивная неприятная мелодия. Дверь открывалась изнутри. Гульнара Мансуровна со своей таксой на поводке. Безветренно, тихо, ясное небо. Двор — проезжую часть — чистил трактор. На тротуаре скреб деревянной лопатой дворник — мужик неопределенного возраста и неопределенной национальности (щетина и очень коричневое лицо особенно подчеркивали эти неопределенности) с испытанным лицом. Старушка неспешно зашагала по тротуару — впереди нее, натягивая поводок, собака. Поздоровалась с дворником. Тот приветливо ответил. Прекратил работать, стоял, уперев подбородок в древко лопаты.

Дворник чистил тротуар не торопясь. Времени у него было — до конца рабочего дня. Периодически, чтобы согреться, из-за пазухи доставал армейскую флягу, делал из нее маленький глоток, морщился, занюхивал рукавицу и отдыхал некоторое время. Отдыхал стоя или, если поблизости оказывалась лавочка, присаживался на нее, предварительно подстелив картонку. Он здоровался со всеми прохожими. Даже с теми, которые делали вид, что не замечают его (или действительно не замечали). Дворник сидел на лавке, когда мимо проходил Саня с санками — на санках, вцепившись в них, его сын Арсения. «Добрый день», — дворник. «Добрый. Арсень, поздоровайся с дядей». — «Здрасьте».

Санки хорошо ехали по плохо расчищенным тротуарам. Арсения смотрел по сторонам и время от времени поправлял шапку, съезжавшую на лоб. Папа вез его мимо автостоянки. «О, какие гонки. Вот это — гонка вообще класс. Пап, смотри, какая тачка, гонка класс», — ребенок старательно изображал низкий голос. «Да, замечательная машина», — равнодушно откликнулся папа.

Вдоль по оживленной улице — машины, прохожие, по обеим сторонам яркие вывески. Кое-где надписи или вывески: «С Новым годом!» или «С Новым 2016-м!». На витринах магазинов наклеены снежинки или блестящая мишура. «Пап, смотри, какая ангирлянда висит! Один ангирлянда, два ангирлянда, три ангирлянда. Три ангирлянда! Ура. Посчитал!» — снова поправил шапку со лба.

«Пап, почему мы остановились?» — «Потому что светофор горит красный». — «Когда он загорится зеленый, то мы поедem, да?» — «Именно». Голос у Сани равнодушный, сухой. У Арсени живой, звонкий, постоянно меняющий свою тональность в зависимости от эмоций. Мимо ребенка, навстречу ему шагали высоченные неулыбающиеся люди. Проезжавшие машины были гораздо интереснее — потому что они разноцветные, ярких оттенков — Арсения больше смотрел на них.

Сбоку появился сугроб. Арсения сунул в него варежку, пока не видел папа, — черпал снег. Затем оббивал снег об свою надутую теплую куртку. «Папа, когда мы вернемся в наш Янталь? Я хочу уже играть с Трофимом и Анжелиной». — «Не знаю, малыш, не знаю».

Арсения сидел на своей кровати. Один в спальне. Через незанавешенное окно в спальню уличный свет багровых оттенков. Арсения сидел, скрестив ножки. Маечка с вытянутыми лямками, худенькие ручки, ножки, дергал свои пальчики на ножках. Похож на маленького Будду. На примятой подушке лежала игрушечная машинка — модель «Жигули». Слышны крики родителей в соседней комнате. Ребенок не понимал многих слов, но по тембру криков — отрывистые, злые, резкие — понимал, что родители ругаются. Огромные испуганные детские глазенки.

Саня сидел на кухне один. На нем выцветшая и вытянутая армейская майка, спортивные шорты, на ногах ни носок, ни тапок. Напряженное лицо — сильнее проступали морщины на лбу. Включен свет. На улице ночь. Он пил чай из металлической пол-литровой кружки и смотрел куда-то в пространство. В то пространство, которого на кухне не было. Тарахтел холодильник. Работала в ванной стиральная машина. Тикали настенные часы. «Что я тут делаю, а?» — спросил Саня сам себя вслух и отхлебнул из кружки.

Сидячий вагон поезда. Сиденья металлические, неудобные, обитые бледно-коричневым дерматином, подлокотники обиты черным. Пассажиров пока было немного — замызганного увядшего вида мужчины и женщины, на багажных полках над ними их спортивные сумки — это работающие вахтами в других городах. Кто-то из вахтовиков выпивал — водка с квашеной капустой и хлебом или другой нехитрой закуской. Саня сидел возле окна. Он постригся налысо. На нем вязаная черная кофта с белым геометрическим узором, военные однотонные брюки и кроссовки, лопнувшие на сгибах.

Поезд шел через поволжские степи. Мимо деревень, где избы выкрашены в желтый, зеленый и синий, а наличники — в белый. Обязательно в каждой деревне возле железной дороги старинная водонапорная башня, напоминающая крепостную, оборонительную. Руины бывших колхозов: заржавевшие до мертвой черноты погрубочные краны, коровники и ангары с провалившимися крышами, полуразобранные брошенные трактора и грузовики, раскрошившийся камень и выбитые окна зернохранилищ. А между ними и вокруг них белое волнистое раздолье степей. Редкими вкраплениями рощи голых берез, ив и осин. Макушки деревьев в накладках инея. Речки в степях не замерзшие — стеклянно-черная медленная вода. Небо затянуто облачной бесцветной пленкой — как будто его и нет.

Бетонно-кирпичный низкорослый городок. Станция — эшелоны грузовых вагонов, огороженная тонкими перилами платформа, одноэтажное здание с высокими и широкими окнами — вокзал. Поезд дернулся и остановился.

Грузилась новая партия вахтовиков. Некоторые уже пьяны. С трудом впахивались на кресла, оставляя в проходе свои сумки, вяло ругались с проводницей. Толстые женщины охали, что не хватает места для их вещей. Раздевшись, доставали еду. Поезд тронулся, вагон в запахах домашней еды женщин, бормотание пьяных, стук колес.

Прозрачный — под дневным светом, как под рентгеном, — опутанный сетями металлических перекрытий терминал аэропорта. Табло с расписаниями рейсов — прилета и вылета. Ряды со стойками регистраций — как ряды лотков на рынке. Голос откуда-то сверху и сбоку: «Пассажиры рейса номер двести пятнадцать, вылетаю».

щего во Владикавказ, ваш рейс задерживается до семнадцати часов пяти минут. Авиакомпания приносит вам свои извинения». Второй этаж терминала — столики и стулья фастфудов, диванчики и глухие ограждения ресторанов. Железные скамейки в зале ожидания. Пассажиры вперемешку со своим багажом, персонал с удостоверениями личности, нацепленными за синие шнуры на шею. Саня на этом фоне в зале ожидания. Нога закинута на ногу. В руках тонкая книжка с оранжевой обложкой и непонятным из-за маленького размера и кучного расположения шрифта названием. На соседнем месте скамьи его синий туристический рюкзак. Боковой карман рюкзака расстегнут, Саня достал оттуда маленькую бутылочку коньяка, отхлебнул и убрал обратно. Напротив семейная пара в возрасте около пятидесяти лет — они брезгливо посмотрели, как он пьет коньяк. Саня им в ответ издевательски улыбнулся.

Галина Викторовна сделала вид, что не заметила неуместной улыбки сидящего напротив молодого человека, стриженного налысо. Она отвернулась к мужу и на ухо сказала ему: «Самир, ты есть не хочешь?» — «Да нет еще», — громко ответил тот. У Галины Викторовны серое пальто, расстегнуто, под ним красная вязаная кофта, руки ее сцеплены в замок на выпирающем животе. Под скамьей две спортивные сумки багажа, сбоку от скамьи чемодан на колесиках — там тоже ее и мужа багаж. «Покурю пойду», — сказал муж. «Давай, только недолго. Слышишь, Самир?» — он согласно отмахнулся рукой.

Галина Викторовна поерзала на скамье и стала разглядывать, как работает персонал ресторана напротив. Молодые официантки дежурно улыбались немногочисленным клиентам, оправляли иссиня-черные фартуки, разносили заказы на подносах. Бармен, расставив локти на стойке, скучал. Галина Викторовна покосилась на молодого человека напротив — он опять выпил коньяк из бутылочки. Покрутила головой — не идет ли муж. Достала из спортивной сумки бутерброд в целлофановом пакете, пошуршала пакетом и принялась есть.

Очередь на посадку в самолет. По трапу в брюхо «Боинга -737». Пассажиры спешили зайти с холода в тепло салона. Трап грохал под тяжелыми шагами, каблуками и литыми подошвами. Галина Викторовна держала на локте пухлую безвкусную сумку — женщина, привыкшая носить авоську, умеет найти авоську среди дорогих кожаных сумок. Подталкивала вперед мужа. Заметила, что вместе с ними в этот же самолет заходит тот стриженный налысо парень, который пил коньяк в аэропорту. На входе улыбались две молоденькие стюардессы, в голубых жилетках и юбках до колен, в белых блузках, говорили каждому: «Здравствуйте», не зная, куда деть руки, или оттого, что замерзли, держали их возле груди, потирая одну о другую.

Самолет взлетел, набирал высоту сквозь сплошную пелену облаков. Его потряхивало от перемены плотности. Вырвался из белесого тумана — выше ночное небо, в его глубинах мерцали звезды, внизу через облачный ковер багровыми лишаями отмечались города и поселки. Багровые лишайи растягивались, сужались, совсем пропадали — тогда небо и облачный ковер казались очень холодными и абсолютно безразличными, действительно вечными.

Город германской архитектуры — здания такие же строгие и вытянутые, как само это слово — германские. Высокие черепичные крыши, болезненных оттенков стены, но улицы достаточно широкие, чтобы ни стены, ни крыши не давили на прохожих. Во дворах чайки отгоняли от мусорных баков голубей и ворон. Автомобили преимущественно черного или серого цветов. Саня шагал по тротуару вместе с поджарым, загорелым и обветренным сверстником (у него рыжеватая легкая борода, усики

и прокуренные желтые зубы). Сверстник нес Санин рюкзак. «Ты чем сейчас занимаешься, немец?» — спросил Саня. «Не суетись, брат, расскажу, ты пока наслаждайся — смотри, какой город вокруг. Такого другого в России нет. Кёниг — это уникальный город для России». — «Кёниг?» — «Это мы, местные, Калининград так называем». — «А, от Кёнигсберг?» — «Точно». Саня отставал на полшага, чтобы вовремя сворачивать за Немцем. Они переходили брусчатую улицу по пешеходному переходу. Автомобили остановились, пропускали их. «Видишь, — говорил Немец, — какие у нас тут культурные люди. У нас самые культурные водители. Я тебе говорю, Кёниг — это самое культурное место в России». На другой стороне улицы лютеранская кирха из бурого кирпича со стрельчатой часовой башней. Вывеска над входом в кирху: «Кукольный театр». А под ногами грязный, раскисший, разбрызгающийся снег. Костлявые черные деревья — дубы и каштаны. Старый неиспользуемый гидрант, крашенный в красный цвет. Немец показал на него: «Тоже сделано Германией. Красили еще до войны последний раз. Больше семидесяти лет, представь, качество» — и, не задерживаясь, шагал дальше. Четырехэтажный дом с остроконечными башенками над крайними подъездами. Немец и Саня зашли во второй подъезд. Деревянные пролеты, деревянные перила — старые, но по-прежнему крепкие. Второй этаж — Немец открыл дверь и пропустил Саню вперед.

Один из следующих дней. Только начинался. Сизый свет. День вроде обещал быть ясным — легкая прерывистая облачность, птицы летали высоко, морозный воздух. Саня — съездившийся, на голове шапка, поверх капюшон куртки — топтал ногами от холода. Пустой двор — ни детских площадок, ни гаражей, ни сараев — только яблони, высаженные по-садовому, чтобы не мешали друг другу. Из «черного хода» подъезда вышел Немец: «Давай, погнались» — хлопнула закрывшаяся дверь. С торца дома припаркован черный старенький «мерседес». Немец открыл его. На заднем сиденье то ли мусор, то ли давно позабытые мелкие вещи. Поехали.

«Дороги у нас в области почти все планировались и изначально строились немцами, — рассказывал Немец, автомобиль вел одной рукой, другой, локтем, опирался на бардачок между сиденьями, шапка его оттянута на затылок, чтобы не натирала лоб. Периодически отвлекался, чтобы написать сообщения в айфоне. — Смотри, а?» — дорога в две полосы, по обочинам старые буки ровными рядами. «Деревья сажали, чтобы они своей корневой системой держали дорожные насыпи». За буками ровные, слабо заснеженные поля в высоких бурьянах. Поселки, где кирпичные особняки с высокими крышами, крытыми черепицей, — германские или «в германском стиле». Лютеранские кирхи, увенчанные православными крестами. Старинные казармы и пороховые склады, используемые в качестве гаражей, продуктовых магазинов или кафе. Буковый лес — в его глубине виден замшелый серый бетон. «Немецкий дот. Если хочешь, можем выйти и посмотреть. Его до сих пор можно использовать по назначению». Снова аллея по обочине и за ней заброшенные поля.

Черный старенький «мерседес» подрулил к причалу. У причала сине-белый паром — крупными буквами название на бортах и под рубкой: «Нида». У соседних причалов катера разных служб, еще один паром, военный сторожевой катер. Немец вылез из машины и направился к кассе, покупать билет на паром. В воздухе тягучий запах моря. Чуть в стороне от причалов красно-белый маяк. Крики чаек. По стеклянню-гладкой воде гавани плавали утки и лебеди. Под навесом сбоку от кассы, поставив сумки на скамейку, стояли несколько пенсионеров.

Петр Аркадьевич разглядывал незнакомый «мерседес» и вышедшего незнакомого водителя. Придерживал за ручку свою хозяйственную сумку, стоявшую на скамье.

«Туристы», — уверенно прокомментировал он для других пенсионеров под навесом. «Тоже ангары Люфтваффе поедут смотреть, — продолжал Петр Аркадьевич. — А куда еще? Зимой куда у нас еще поедешь? Только смотреть ангары». Кто-то из пенсионеров утвердительно кивал. Пенсионеры ходили на нахохлившихся серых городских голубей.

За пару минут до отправления пешие пассажиры кучно стали заходить на паром. За ними по одной, повинувшись знакам моряка-регулировщика, заезжали автомобили. Затем зацокали цепи, поднимающие аппарель. Под кормой забурлила вода, вдоль бортов пыхнули облака от сгорающей в двигателях солярки — паром отчаливал. Бугры коротких волн расплзались в стороны.

Паром пересекал узкий пролив, отделяющий городок военных моряков от Балтийской косы. К востоку от пролива залив, где дальние берега таяли в колышущемся мареве, к западу — открытое море, где на рейде стояли контейнеровозы, а между ними снова рыбацкие сейнеры, катера и яхты.

На Балтийской косе возвышались непонятного назначения размашистые конструкции, похожие на останки китов, — черные ребра каркасов, обтянутые лоскутами стен. Несколько в стороне от них — домики, а дальше глухая стена леса.

Прямо по центру пролива, на самом фарватере, плавали стаи уток и лебедей. Они взлетали под носом парома. Могло показаться, что птиц уже смяла железная туша, но они появлялись, хлопали по воздуху крыльями и снова садились на воду в нескольких метрах в стороне. Петр Аркадьевич равнодушно наблюдал эту привычную картину.

Перед причалом косы кучковалась ледяная шуга. Паром подрагивал, наползая на льдины, они трескались и расходились в стороны. Опять зацокали цепи — теперь они спускали аппарель. Первыми выходили пешие пассажиры, за ними выезжали машины.

Направляясь в сторону своего дома, Петр Аркадьевич оглянулся на неизвестный «мерседес» — тот заезжал на парковку перед причалом.

Немец и Саня шагали от парковки в сторону размашистых конструкций непонятного назначения. Прошли мимо германских домиков и свернули к ближайшей конструкции, тропинки не было, они оставляли следы в неглубоком снегу. Немец начал рассказывать: «В 1934-м немцы-нацисты решили построить тут аэропорт для своих военных летчиков, для Люфтваффе. Пять лет строили. Выровняли берег бухты, построили взлетно-посадочную полосу, пять ангаров для самолетов и гидропланов — с бухты у них гидропланы взлетали. Считаю, отсюда нацисты летали бомбить наши города и советскую армию. В начале апреля сорок пятого наши взяли Кёниг, в конце апреля наш десант взял эту авиабазу. Ангары и взлетка почти не пострадали, вся техника работала, представь. Взлетка вообще имела подогрев (сейчас-то такое мало где увидишь, а немцы восемьдесят лет назад умели делать). Поэтому наши сразу организовали тут свою военно-воздушную базу. До девяностых тут была база. Потом ее закрыли. Много, конечно, вывезли и сдали в металл. Что осталось — почти все немецкое. Бетону и кирпичам не меньше восьмидесяти лет — а выглядят как новенькие». Они подошли к первому ангару — куполообразная крыша, между полос металлического каркаса железобетонные плиты, частично сохранившиеся стены, выложенные мелкой мозаикой из красного, бурого и черного кирпича. Ворота ангара отсутствовали. Пол полностью был занесен снежной пудрой. С торца здания — четырехугольная строгая пристройка, напоминающая готическую башню. Позади нее старые сосны, выросшие на переменчивых и буйных морских ветрах, словно замершие в мгновения замысловатых танцев. Длинные утренние тени

оказались внутри ангара впереди Немца и Сани. На одной из стен под самой крышей сохранились поистершиеся казенные буквы «RN. O. B», а гораздо ниже, на уровне человеческого роста, советский трафаретный шрифт: «Стоянка тележек» — в этой же стене дверной проем в пристройку. «На войну обратно не тянет?» — неожиданно спросил Саня, не оглядываясь на своего товарища, — его голос эхом отзвучивался в углях и в пристройке. Немец остановился и смотрел на железобетонный потолок — там на крючьях свисали ржавые плафоны без ламп: «Плафоны тоже немецкие. Смотри, дизайн один в один, как у модных сейчас осветителей „Икея“. Ничего нового не придумали... Сань, — он оглянулся на товарища, они смотрели друг другу в глаза, — хочешь верь, хочешь нет: не тянет. — Он держал руки в карманах брюк, Саня — сложив на груди. — Я свое от войны получил. Адреналин, кровь, пот. Ты знаешь, зачем я тогда поехал воевать? Честно, ведь не из-за революции, не для того, чтобы бороться с русофобией, не за свободу и справедливость эти. Ты же видел, нам в Кёниге всем всего хватает. Мы живем своим российским анклавом среди Европейского союза. Пользуемся их благами, при этом от них независимы. Плохо разве? У нас умно построенный немецкий город, немецкие машины, есть море и достаток, в то же время нас не заставят проводить европейские гей-парады, заводить европейских учителей-педофилов в школах. Не та ситуация, когда хочется воевать за свободу и справедливость. Я тогда поехал воевать, чтобы себя проверить. Помоему, каждый мужик должен хотя бы разок в жизни повоевать, чтобы понять, чего он стоит. Я свое получил». — «Но состояние войны — я сейчас не про идеологии, не про романтические оправдания войны, — сама обстановка войны затягивает...» — «Затягивает. Кто ж спорит. Первые пару месяцев, когда обратно прилетел в Кёниг, очень хотелось вернуться на войну. Война затягивает, спору нет. Но два месяца, и меня стало отпускать. Я, что называется, нормально адаптировался к мирной жизни. У меня опять свой бизнес, по выходным то в Гданьск, то в Краков, то в Берлин, клубы, девочки, пиво, тусовки до утра. В понедельник, как штык, на работе. И чувствую себя абсолютно на своем месте. Адаптировался на сто процентов». — «Молодец. У меня не получается». — «А как же твоя школа? Ты же писал, что где-то в сибирской глуши учительствуешь». — «Бросил. Уехал. И с Эммой, думаю, тоже скандалим, потому что не могу вернуться к мирной жизни. Обратно на войну тянет. Уже неважно — за какую идею, почему, кто хороший, кто плохой — хочу снова воевать». — «Ясно. Ты с Тунгусом не виделся?» — «Нет». — «Ты же через Москву сюда ехал...» — «Через Москву. Не догадался его навестить». — «Навести. У него те же проблемы, что и у тебя. Он мне то же, что и ты сейчас, говорил».

Они вышли из ангара и шагали к следующему вдоль затянутого льдом берега бухты. В лед вморожены длинные деревянные лодки, завалившийся на бок катер и бакен в облупившейся краске.

Отчалив от Балтийской косы, через пролив плыл паром. Стася смотрела в сторону удаляющихся немецких ангаров. Были различимы две точки — две человеческие крошки — двигавшиеся от одного ангара к другому. Скоро их заслонил катер, вмороженный в лед возле косы.

На приближающемся причале стояли встречающие. Стася попыталась разглядеть среди них знакомых. Никого не было. Равнодушное выражение ее лица несколько от этого не изменилось. Когда она сошла по опустившейся аппарели на берег, сразу достала из сумочки на локте мобильный телефон. В трубке раздались три раза длинные гудки, потом ответил женский нервный голос: «Да». — «Мам, привет. Я в Кёниг часа через три приеду». — «Хорошо. Я сегодня работаю. — Быстрые отрывистые фразы. — Дома буду не раньше девяти». — «Ладно, давай».

Елизавета Арнольдовна — женщина около сорока с худым усталым лицом — отключила телефон и убрала его в нагрудный карман оранжевого жилета. Она управляла трамваем. Остановка. Елизавета Арнольдовна нажала красную кнопку на приборной панели и сказала в ребристый микрофон: «Кирова. Следующая остановка — Генерала Яналова». Наблюдала в зеркало заднего вида, как несколько пассажиров выходят. Пару человек зашли. Снова отжала красную кнопку: «Двери закрываются». Дернувшись, трамвай тронулся. Мимо него поплыли пешеходы, стоящие автомобили, киоски, магазины, дома... Автоинспектор-регулирующий стоял на перекрестке, скушаясь смотрел то ли себе под ноги, то ли на ожидающих перед светофором пешеходов. Две молодые продавщицы, одетые в легкие наряды — без теплой одежды, — стояли возле входа в магазин и курили длинные тонкие сигареты. Водитель счищал снег со своего автомобиля. Излишне толстый мужчина шел за беспородной собакой, которая тянула его за поводок. Многоэтажное здание с ленточным остеклением — за окнами стеллажи с книгами, между стеллажами то ли студенты, то ли профессора рассматривали корешки книг. Площадь в окружении имперских, с толстыми колоннами и классическими портиками зданий. В центре новогодняя елка — искусственная. Ее разбирали рабочий, стоящий в поднятой люльке. Снимал слои мохнатой зеленой опушки — оголялся решетчатый остов елки. Слои опушки летели вниз, их подбирал другой рабочий и складывал в кузов красного микроавтобуса «мерседес». Ряды однотипных пятиэтажных панельных домов — как одна сплошная стена. Стеклопластиковое современное здание, в котором отражалась улица, ее движения. Серый мост через узкую реку. Крохотный островок со стреловидными башнями кирпичи и редкими черными деревьями парка — по дорожкам мамочки и бабушки гуляли с колясками. Спуск с моста. Слева похожее на московский Мавзолей ступенчатое монументальное желтоватое здание — часть его фундамента выпирала в реку. На углу здания стоял мужчина с пакетом и разговаривал с маленьким, не старше пяти лет, ребенком, что-то гневно ему выговаривал. Ребенок жалобно смотрел на взрослого, задрал голову, в одной ручке — желтая поломанная лопатка. Снова безликие панельные многоэтажки сплошной стеной. На одном из балконов курил мужчина в пуховике, облокотившись на перила. Перекресток — поперечный поток автомобилей. Проехал самосвал, груженный снегом. Красный глаз светофора погас, загорелся на несколько секунд оранжевый, затем — зеленый.

Трамвай снова ехал.

Перед киоском с крупной надписью «Пончики по 10 руб.» кучковались школьники. Перед входом в книжный магазин девушка и юноша — девушка отстранялась от его поцелуя, прогибалась назад, смеялась. Пенсионерка с клюкой ковыряла снег под ногами, кажется, что-то выискивала. Папаша с разноцветной яркой коляской. Серое коробочное здание театра с памятником Маяковскому перед ним. Начались ряды германских пятиэтажек — болезненный цвет, черепичные крыши и пустые дворы с редкими корявыми деревьями. Прямо посреди проезжей части красные средневековые ворота — заостренные копыта башенок, две стреловидные арки. Трамвай проезжал под одной из арок — его грохот по рельсам зазвучал громче. Кто-то из пассажиров недовольно сморщился. Железнодорожный вокзал. Сине-красный локомотив распускал черные клубы дыма, за ним полтора десятка зеленых вагонов. Объявление из динамиков: «Поезд номер сто двадцать три Калининград–Москва отправляется со второго пути через пять минут».

Высоченный полупрозрачный навес над перронами. Поверху его надпись «Москва». К одному из перронов прибывал длинный пассажирский состав. По перрону шла ухоженная длинноволосая девушка с ярко-красно накрашенными губами. Ей вслед внимательно смотрел грузчик, опирающийся на поручень тележки. Двое

полицейских — толстые, сытые лица — держали руки за спинами, помахивали металлоискателями. Ковыляли старушки, везли за собой тележки на колесиках. Двое мальчишек детсадовского возраста дрались — их словесно пыталась уговорить мама. Голуби клевали кусок хлеба. Над ними стояла некрасивая и неопрятная девушка — батон белого хлеба в руке, она отламывала от него кусочки и бросала птицам. Таксист Амир стоял в начале перрона и ждал, когда навстречу ему пойдет поток прибывших пассажиров — одна рука в кармане черной кожаной куртки, в другой ключи от автомобиля. Амир крутил ключи и жевал толстыми губами.

Желтое такси ехало в потоке автомобилей по Садовому кольцу. Амир за рулем. Позади него две женщины зрелого возраста, казалось, одновременно негромко болтали между собой. Наконец одна замолкла и согласно закивала головой. Посмотрела в зеркало заднего вида — там глаза Амира, она дежурно ему улыбнулась.

Аскетичные, будто вклеенные в пространство всеми своими плоскостями, раннесоветские дома и здания, сталинские дворцы, современные витрины и жилые «свечки». Яуза и Москва-река похожи на канализационные стоки — мутная медленная жижа. Поворот с Садового. Троллейбус у тротуара — «рога» его сорвались с проводов и теперь раскачивались, задрывшись вверх. Люди на остановке как восковые фигуры, как экспонаты в зале музея. Серый свет то ли утра, то ли вечера подсвечен агрессивно-багровыми огнями.

Амир посмотрел в зеркало заднего вида. На заднем сиденье сидел бородатый, коротко стриженный молодой человек в желтой куртке и крупных очках. Между его коленей был зажат чехол с гитарой.

Третье транспортное кольцо. Пробка. Нервно сигналили со всех сторон. Самосвал со снегом слева раздувал клубы вонючих непроглядных выхлопных газов. Впереди черный внедорожник перекрывал весь обзор: что там впереди, долго стоять — непонятно.

Амир выкручивал руль вправо-влево, маневрировал в узких старых улочках — старинные невысокие дома, напоминающие торты, пирожные — улочки-кондитерские. «Такие дома как пирожные в кондитерской, да?» — спросил Амир задорно и посмотрел в зеркало заднего вида. Молодая девушка в однотонном красном платье, рыжей меховой жилетке и черных очках, закрывавших половину лица: «Извините, что вы сказали?» — «Говорю, дома шикарные, хотя и неудобно тут ездить», — он улыбнулся шире. Она кивнула и отвернулась к окну.

Площадь перед Киевским вокзалом. Суета, толкотня. Троллейбусы, автобусы, автомобили. Амир стоял перед палаткой с шаурмой. «Брат, здравствуй!» — поздоровался он с молодым кавказцем за прилавком по-русски. «Как дела, брат? — продолжал Амир. — Мне, как обычно, и кофе дай. Не хочу чай». Он отсчитал деньги. Смотрел неторопливо по сторонам, ожидая своего заказа. Мимо проходил коренастый парень азиатской внешности, держал мобильный телефон у уха.

Парень азиатской внешности мельком оглянулся на палатку с шаурмой, на стоявшего возле нее толстого кавказца, одетого в унылую кожаную куртку, черную кепку и синие спортивные штаны с белыми лампасами, шагал дальше, торопился. Наконец ему ответили по телефону: «Да, здорово-здорово. Извини. Не слышал, что ты звонил, в метро был». — «Тунгус, там три поддона надо будет забрать, — голос из трубки, — и отвезешь, как обычно». — «Понял-понял, давай». Тунгус убрал телефон в карман. Под ногами чавкала грязная жижа. Серый свет то ли утра, то ли вечера.

Помещение с приглушенным светом. Деревянные массивные столы, сверху на них поставлены перевернутые стулья. Барная стойка — за ней пусто. За одним из столов — единственным, на котором не стояли стулья, — сидел Тунгус: ел суп, пе-

ред ним поднос с жареным мясом, салат, куски аккуратно нарезанного хлеба. Он сидел один, в помещении тихо. Только слышно, как откуда-то с кухни доносится то звяканье посуды, то бьющая тугой струей вода. «Анфис, — позвал Тунгус, — включи, пожалуйста, телевизор. Футбол посмотрю». Под потолком на стене загорелся экран, плавно нарастали звук и яркость — по зеленому полю бегали люди в желтых и синих майках, гудели колыхающиеся студни трибун.

В зал зашла крупная миловидная девушка — черноволосая, черноглазая, широкие бедра, волновались обильные груди — вероятно, украинка, одета в красно-черные форменные блузку, кружевную юбку и фартук. Она улыбалась Тунгусу. Тот: «Как сегодня? Устала?» — «Устала, даже нет сил разговаривать, — она села напротив него и положила голову на стол, — домой хочу поскорее». — «Сейчас поедем. Дом. Не оставаться же голодным». — «Доедай», — она закрыла глаза.

Открылась дверь в прихожую — желтый прямоугольник с лестничной площадкой в темноте. Щелкнул выключатель, прихожая осветилась — она узкая, на крючках несколько курток-унисекс, на полу на газетных листах аккуратно расставлены женская и мужская обувь для разных сезонов. Тунгус и Анфиса. Он помог ей раздеться. Она сразу ушла в туалет — хлопнула дверь. Тунгус раздевался неспешно — черный пуховик, черная шапка, расстегнул вязаную коричневую кофту — под ней тельняшка, армейские однотонные зеленые штаны с накладными карманами. Надел тапочки, шаркая, пошел в единственную комнату. В комнате широкая старая кровать, платяной шкаф, стол, три стула, на столе ноутбук и кипа деловых бумаг, единственное окно закрыто темно-синей шторой — очень тесно. Тунгус упал, не раздеваясь, на кровать, поперек ее, и подтянул под голову подушку. Крикнул: «Анфиса, жду тебя. Выходи, я уже по тебе соскучился», посмотрел на потолок, там желто-ржавые разводы от случившихся протеканий воды.

Чебуречная. Стульев нет. Посетители стояли за высокими столами. Народу полно. Шумно. На столах пластиковые тарелочки с тонкими чебуреками, стаканчики с чаем или кофе, бутылки и банки с пивом, «мерзавчики» с водкой. Студенты, рабочие, пенсионеры, мужчины, женщины, славяне, кавказцы, азиаты, даже пара негров, жестикулирующих вполне по-славянски — резко и размашисто. Тунгус разливал из «мерзавчика» водку в пластиковые стаканчики. Напротив него Саня. Между ними на столике тарелка с чебуреками и две стеклянные бутылки с пивом, открыты. Тунгус передал один стаканчик Сане: «Ну, давай. За встречу» — они чокнулись и залпом выпили, запивали пивом. Тунгус свернул один чебурек трубочкой и целиком засунул в рот, кивал и улыбался доволью. Когда дожевал, заговорил: «Значит, ты уехал из Сибири. А как же школа твоя?» — «Никак. Просто без меня. Другого учителя найдут». — «Ты, помню, писал, что какой-то остров со своими учениками ищешь... Тибун... Табун... Как он называется?» — «Дильмун». — «Нашли вы? — Тунгус снова разливал водку. — Где он? В Сибири?» — «Нет. Это в мифологии шумеров был такой остров — Дильмун, — грустные глаза Сани немного прояснились, появился задор. — Они считали, что это их историческая родина, что в Месопотамию они попали с Дильмуна. Одни историки считают, что он действительно существовал. Другие — что это только миф, просто символ потерянного рая. Позже этот образ потерянного рая попал во многие религии. Потерянный рай в Библии, например, считается, списан именно из шумерской мифологии». — «Так он был, — Тунгус передал Сане стаканчик с водкой, — или не был?» — «Вот я и копался с учениками в книжках по истории Месопотамии, новости из Интернета по археологии на английском выуживал... Я им сказал, что этот остров был — без сомнений. Когда-то действительно было место, которые люди считали раем на Земле. Во времена шуме-

ров. И шумеры туда плавали. Есть записи на клинописных табличках, рассказывающие, что шумеры плавали на Дильмун торговать, в гости, просто ради любопытства. Но неизвестно, где именно находился Дильмун, его местоположение». — «И ты с учениками пытался найти его местоположение?» — «Точно. Мы с ними решили, что в будущем обязательно организуем экспедицию и найдем его. Но для этого нужна теоретическая база: где должно быть его местоположение? Я им искал новости по археологическим исследованиям шумеров на английском, а они мне переводили, искали информацию, зацепки о Дильмуне». — «Здорово. Давай выпьем за твоих школьников. Молодцы они». Чокнулись, влили в себя водку, запили пивом, взялись за чебуреки. Тунгус прожевал и кивнул: «Значит, говоришь, потерянный рай там был?» — «Представь, найти место, которое люди пять тысяч лет назад считали раем. Круто?» — «Еще бы». — «Понятно, что учеников такое дело увлекло. Они мне десятки страниц с английского каждую неделю переводили». Третий тост они пили не чокаясь. «За тех, кто не вернулся».

Тунгус сходил на раздачу за новой порцией чебуреков. Посетители за соседними столиками сменялись: уходили, приходили другие. Между спин протискивалась женщина в форменном халате и фартуке с тележкой, собирала мусор со столиков.

«Скучаешь по войне? — после очередного тоста спросил Саня. — Тянет туда обратно?» — «Вот. Хотел тебе сказать. Хотя и цинично, да... Наш потерянный рай — это война. Наш... вот остров, как ты его называешь, он на войне. Прав я?» — «Верно. Меня обратно тянет так, что сил нет. Из-за этого из школы ушел, не мое это. Не хватает войны. Кажется, от всего готов отказаться, чтобы на войну вернуться». — «Понимаю. Я тоже много об этом думаю. Знаешь, чего скажу? Там была такая искренность и... и близость, что ли, отношений между людьми, которая в мирной жизни не возможна. Опасно — да. Риск — конечно. Зато каждое мгновение проживаешь, чувствуешь его, действительно им дорожишь. Потому что, когда бой, — не знаешь. Кто вернется из боя — неизвестно. Рискуешь самым ценным, что есть, — своей жизнью. И поэтому ценишь ее. И ценишь тех, от кого она зависит. Всем с ними делишься, помогаешь, тебе помогают. А в мирной жизни что? Растрачиваешься по мелочам, по каким-то пустякам — глядишь, день прошел, неделя прошла, год... Ужас. Ты даже не замечаешь, что живешь. — Саня слушал его очень внимательно, не шелохнувшись, положив сжатые кулаки на стол. — Я не философ, да. Но я, Сань, очень много над всем этим думал. Пытался проанализировать. Ты умный мужик, поэтому с тобой делюсь. Со своей Анфисой мне без толку говорить. Она не понимает». — «Да и моя не понимает. Скандалим с ней. Надоело. Извини, что перебил». — «Нормально все. — Выпивки они больше не касались. — Война дала нам понять, что такое настоящие человеческие отношения. И оказалось, что мы по-другому жить не хотим». — «Именно так. Мы научились ценить другого человека по-настоящему. Научились действительно нести ответственность, а не на словах. В мирной, смотри, столько болтают, суетятся, а жизни у них нет, нет ценности человеческих отношений». — «Верно. Ты меня понимаешь. Как я рад тебя видеть, Сань». Они обнялись через стол.

Теперь с раздачи вернулся Саня — тарелка с чебуреками, два новых «мерзавчика». Расставил на столике. У Тунгуса зазвонил телефон. Он спешно вытирал салфеткой замасленные руки. Вытащил телефон двумя пальцами из внутреннего кармана куртки — посмотрел на монитор и поднял указательный палец вверх: «Моя звонит».

Отключив связь, Анфиса задумчиво вытянула губы по-утиному. Она стояла в гардеробе перед зеркалом — на ней форменные красно-черные блузка, кружевная юбка и фартук, вытянутые геометрические рисунки ажурных колготок. Повер-

нулась к зеркалу боком и сфотографировала себя на телефон. Посмотрела снимок: «Да, я хорошенькая. Миленькая даже», — заулыбалась удовлетворенно и убрала телефон в карман фартука. Вышла в зал — здесь за столиками сидели посетители ресторана, негромко разговаривали, ненавязчиво играла спокойная музыка. Проходившая мимо официантка с пустым подносом отрывисто сообщила: «За седьмым попросили счет». — «Хорошо, сейчас».

Анфиса стояла перед столиком — в руках блокнот, записывала заказ. За столиком трое мужчин в деловых костюмах и галстуках — в возрасте тридцати пяти-сорока лет. Один за другим они сообщали свои заказы, закрывали и откладывали меню. «Больше ничего не желаете?» — финально спросила Анфиса, улыбаясь. Один из мужчин — ухоженный, со спокойным, уверенным выражением кирпичного лица — закинул ногу на ногу и спросил: «Вас можно в нашу компанию пригласить?» — «Извините, — кокетливым тоном отвечала девушка, — у нас не принято персонал приглашать... В рабочее время». — «То есть в нерабочее можно?» — «Но сотрудник вправе отказать». — «Мы ласково пригласим, чтобы сотруднику... то есть сотруднице — мы, знаете ли, гораздо больше сотрудницами интересуемся, — чтобы сотруднице приятно стало, таким образом сделаем приглашение». — «Посмотрим», — Анфиса развернулась и, подчеркнуто виляя бедрами, удалилась. Говоривший с ней мужчина удовлетворенно смотрел ей вслед.

Кожаный салон внедорожника. Снаружи ночь и электрические огни. Внутри — трое, делавшие заказы в ресторане, Анфиса и громкая англоязычная музыка. Двое с ней на заднем сиденье. Один за рулем — управлял машиной одной рукой, в другой стеклянная бутылка с пивом. Девушка порядком пьяна — форменная блузка растегнута на пару пуговиц больше, чем требует строгость этикета, видны белый бюстгальтер и не уместающиеся в нем груди. Юбка задралась. Колготок на ногах уже нет. В руках бутылка с шампанским. Анфиса звонко смеялась. Ее обнимали сразу двое мужчин. «Вы только не подумайте, что я какая-нибудь развратница, мальчики, — говорила она, глядя на них поочередно. — Мне правда с вами очень нравится. Вы такие хорошие. Вы — очень классные». — «Да, девочка, мы очень классные. Мы умеем ценить девочек, которые знают толк в классных мужчинах», — слово «классный» он произносил с издевкой.

Поднимались по лестнице. Один мужчина впереди с ключами. За ним щебечущая Анфиса, обнимая-опираясь на двоих других, — один из них сунул руку под ее юбку. Лестничная площадка. Ключ громко щелкал в замке.

Иосиф Львович смотрел в замочную скважину, как в соседнюю квартиру заходили трое мужчин с пьяной девушкой. Иосиф Львович — маленький сморщенный старичок в поношенной розовой женской пижаме и мягких тапочках. Дверь соседней квартиры закрылась. Старичок еще подождал некоторое время и пошел в гостиную. Смотрел на вход в подъезд под своим окном. Заставленный автомобилями двор пуст и молчалив. Мигали синие огоньки сигнализаций за лобовыми окнами автомобилей. В нависших низко облаках отражалось багровое зарево города.

Зал исторического музея. Среди экспонатов, спрятанных под стеклянными колпаками, прохаживался Иосиф Львович — руки заложены за спину, на нем поношенный

пиджак, такого же фасона брюки, белая рубашка, ржавого оттенка галстук и начищенные до блеска старые туфли. Мимо прошла галдящая группа школьников. Старичок обратил внимание на высокую старшеклассницу с большими, будто удивленными и испуганными одновременно, глазами, повернулся ей вслед.

Янтальская старшеклассница Вика вместе с другими школьниками — она единственная старшеклассница, остальные из пятого, шестого и седьмого классов — бродила по залам с предметами месопотамской древности. Группой руководила низкорослая полная учительница. «Ничего не трогаем», — назидательно повторила учительница.

Под стеклами на бархатных подстилках алебастровые статуэтки: сидящие на тронах бородастые и безбородые, налысо бритые мужчины с выпученными глазами в форме то ли заходящего, то ли восходящего солнца — с типично месопотамскими глазами. На них длинные юбки то ли из перьев, то ли из длинных и узких листьев. «Во, смотри, Вика, они глазастые, как ты!» — прогомнил стоявший рядом семиклассник. Старшеклассница недовольно посмотрела на него. Он продолжал: «В одних юбках ходили, и не холодно им было?» Из-за его спины заговорила семиклассница с брезгливым лицом: «Ты, Ефимов, че, совсем? У них же там круглый год жара была».

Древний Шумер. Один из его городов. Яркое солнце — ослепительное белое бельмо. Ступенчатый зиккурат красноватого оттенка в окружении пальм и тростниковых хижин. Помещение на его первом уровне. Вход занавешен плетеной занавеской. Внутри в сумрачном свете расписанные сценами из местной жизни стены (человеческие фигурки между горизонтальными линиями друг над другом шли в военный поход, пировали, сеяли и собирали урожай, женились, приносили жертвы богам, поклонялись царям) и каменные столы — перед ними на деревянных табуретах бородастые светлокожие мужчины в длиннополых юбках, копии алебастровых статуэток. На столах лежали подсыхающие таблички — исписанные клиньями и еще пустые — с одной стороны, с другой ветхие, надломившиеся по краям, потертые таблички с текстами и запасные палочки для письма. Мужчины переписывали тексты с ветхих на подсыхающие. Тонкая палочка, заточенная на конце в форме треугольника, неглубоко и быстро входила в податливую глину. Раз другой, третий... оставались десятки, сотни тесно составленных клиньев, будто следы крохотных суетливых птиц на песке после дождя. Мужчины разговаривали между собой: «...И неделю тому назад приплыл с Дильмуна». — «Как ему Дильмун?» — «Говорит, что ничего необычного. Никакой особой красоты — ни в природе, ни в женщинах, ни в зданиях. Все то же, что у нас. Даже победнее у них будет». — «Победнее? На Дильмуне? Да у них же все есть?» — «Мой брат говорит, что это только рассказывают. Нет там особой роскоши». — «А почему же тогда говорят, что там — лучшее место во всем человеческом мире?» — «Он рассудил это потому, что жители Дильмуна по-прежнему дарят родным и гостям то, что им необходимо. Платы не просят. Даром — бери и благодари, принеси затем обязательно жертву богам во имя подарившего». — «Даром? — спрашивавший поднял голову от своей работы. Возмущение на его лице. — Известное дело, что торговля разумнее дарения. У них, получается, ты зависишь от дарящего: когда он решит подарить тебе то, что необходимо. При торговле — ты сам выбираешь время и место, чтобы приобрести необходимое». — «Получается, что Дильмун называют лучшим местом, потому что они сохраняют старые, у нас уже отжившие свое традиции. Так рассудил мой брат. Ему виднее, он туда плавал. Я лишь пересказываю его рассказ». Упала одна из ветхих табличек — раз-

билась о пол, выложенный необожженными кирпичами. Переписчик, с чьего стола она упала, равнодушно поднял ее. Вышел на улицу. Мимо брели двое мужчин в таких же длиннополых юбках из листьев, головы прикрывали тонкими плетеными треугольниками. Переписчик швырнул разбившуюся табличку в кучу других разбившихся табличек.

Солдаты с темно-коричневыми потными лицами и жесткими кучерявыми волосами. На них оливковая форма с яркими красно-черными шевронами: скрещенные сабли, орел, смотрящий вбок, толкотня надписей на арабской вязи. За спинами у каждого АК-47, перевернутый вниз стволом. Солдаты торопились — устанавливали гаубицу Д-30 на позиции. Другие — парами — перетаскивали деревянные ящики с боеприпасами из грузовой тентованной машины песчаного цвета. В нескольких метрах от них оплывшая возвышенность — отчетливо заметна ее кирпичная кладка — останки одного из шумерских зиккуратов. В стороне маневрировал бежевый броневик «хамви». Позади него артиллеристы устанавливали на позиции еще три гаубицы. Солдаты разворачивали станины лафета, чиркая по песку. Грохали выставляемые друг на друга ящики со снарядами. Офицер — поджарый низкорослый паренек лет двадцати пяти, аккуратно выбритый, впалые щеки, блестящие черные глаза, пальцы тонкие и длинные, как у художника или писателя, — присел на руины зиккурата и переговаривался по рации, ковырял носком ботинка песок. Вдруг его нога наткнулась на что-то твердое — он с силой ударил: вылетел кусок глиняной таблички. Офицер пристегнул рацию к карману на груди и подошел к табличке. Поднял ее — мелкая частая клинопись. Равнодушно отшвырнул в сторону и отряхнул руки.

Подъехал еще один песчаный «хамви». Из него выгрузился толстый офицер в чистенькой форме и звездах, выпирающих с погон. За ним выгрузилась съемочная группа тележурналистов: двое сухощавых мужчин — оба в черных бронжилетах и касках с наклейками «Press», у одного профессиональная видеокамера, у другого микрофон с болтающимся шнуром. Толстый офицер важно махал рукой (в другой рация), показывая, что и как снимать.

Ночь. Свет в комнате выключен. Саня сидел перед работающим ноутбуком — голубоватый свет на его лице: напряженном, заросшем клиновидной бородкой и усами, внимательные глаза. На мониторе репортаж некоего арабского канала: в небо падали Д-30, крики артиллеристов, глухо стукались закидываемые в ствол снаряды, черно-серые столбы разрывов вскидывались над серыми бетонными зданиями, трепыхались пальмы, облетали их листья, танцующие солдаты-пехотинцы падали в воздух из автоматов...